

В.В. Андерсен

К вопросу об идентификации героинь «Ballade des dames du temps jadis» Франсуа Вийона

Dictes moy ou, n'en quel pays,
Est Flora, la belle Romaine;
Archipiada, ne Thaïs
Qui fut sa cousine germaine;
Echo, parlant quand bruyt on
          maine
Dessus riviere ou sus estan,
Qui beaulté ot trop plus
          qu'umaine?
Mais ou sont les neiges d'antan?

Ou est la tres sage Heloÿs,
Pour qui fut chastré et puis moyne
Pierre Esbaillart a Saint Denis?
Pour son amour ot ceste essoÿne.
Semblablement, où est la royne
Qui commanda que Buridan
Fust gecté en ung sac en Saine?
Mais ou sont les neiges d'antan?

La royne Blanche comme lis,
Qui chantoit a voix de seraine;
Berte au grant pié, Bietris, Allis;
Haremburgis qui tint le Maine,
Et Jehanne, la bonne Lorraine,
Qu'Englois brulerent a Rouan;
Ou sont ilz, ou, Vierge souveraine?
Mais ou sont les neiges d'antan?

Где Флора-римлянка сейчас?
Где рок, красу губящий рано,
Архипиаду скрыл от нас?
Ушла Таис в какие страны?
Где Эхо, чей ответ так странно
Звучал в безмолвье рощ и рек?
Где эти девы без изъяна? –
Где ныне прошлогодний снег?

Где Элоиза, с кем был раз
Застигнут Абеляр нежданно,
Из-за чего он и угас
Скопцом-монахом слишком
          рано?
Где королева, чья охрана
В мешок зашила и навек
Швырнула в Сену Буридана? –
Где ныне прошлогодний снег?

Где Бланш – сирены сладкий
          глас
И белая лилея стана?
Где Берта, мать того, кто спас
Французский край от
          басурмана?
Где слава лотарингцев Жанна,
Чьи дни английский кат пресек
В огне костра у стен Руана? –
Где ныне прошлогодний снег?

Prince, n'enquerrez de sepmaine
Ou elles sont, ne de cest an,
Qu'a ce reffrain ne vous remaine:
Mais ou sont les neiges d'antan?

Принц, не придумано аркана,
Чтоб задержать мгновений бег.
К чему ж крушиться постоянно:
«Где ныне прошлогодний
снег?»

(пер. Ю. Корнеева)¹

Луи Тюан, автор превосходного издания и комментария к поэмам Франсуа Вийона, не случайно говорит о том, что одного приведенного выше стихотворения было бы достаточно для того, чтобы навсегда обессмертить имя поэта². Так удачно названное Клеманом Маро «Балладой о дамах былых времен»³, это стихотворение – признанный шедевр стиля и одно из самых значительных поэтических произведений на французском языке. Вместе с тем, «Баллада», несмотря на большое количество обстоятельных комментариев и тонких интерпретаций, до сих пор вызывает ряд загадок, связанных, с одной стороны, с ее многочисленными героинями, с другой, – с общим смыслом этой поэмы. Традиционная (и настолько распространенная, что вряд ли возможно и необходимо указывать ее источник) интерпретация этого стихотворения состоит в том, что Вийон вспоминает красавиц прошлого, перечисляет их имена, и говорит читателю (и традиционному «принцу»), что искать, где они теперь, имеет смысл настолько же, как искать прошлогодний снег. Главный мотив баллады, таким образом, — сожаление о том, что прекрасное не вечно (тончайший знаток культуры Позднего Средневековья Й. Хейзинга говорит, что главное в этой поэме Вийона — «акцент нежной печали»⁴). Здесь мы постараемся показать, что этот мотив является не единственным у Вийона, и дадим ряд комментариев к появляющемуся в балладе довольно экзотическому списку «дам», многие из которых уже неизвестны современному читателю.

---

¹ К переводу «Баллады» обращались многие русские поэты (в их числе – Н.С. Гумилев, В.Я. Брюсов, И.Г. Эренбург), но перевод Ю.Б. Корнеева, несмотря на ощутимую искусственность, сохраняет наибольшее количество персонажей оригинала. Тем не менее нужно отметить, что сюжеты об Абельяре и Буридане Ю.Б. Корнеев, в целом тонкий знаток французской культуры, интерпретирует здесь неверно, а ряду персонажей третьей строфы все же не нашлось места в его переводе. Впрочем, техническая сложность стихотворного перевода «Баллады» настолько велика, что перевести ее на другой язык с сохранением всех персонажей, вероятно, невозможно. Порядок «дам», в котором они рассматриваются в статье, соответствует порядку оригинала.

² François Villon. Œuvres. Ed. L. Thuasne. T. 3. P., 1923 (*далее* - Thuasne). P. 624.

³ Помимо общей элегантности, название «Ballade des dames du temps jadis» рифмуется с первой строкой баллады – эта рифма сохраняется на протяжении всего стихотворения.

⁴ Й. Хейзинга. Осень Средневековья. М., 1995. С. 141.

Первая строфа поэмы целиком посвящена греко-римскому миру: в ней перечисляются некая «прекрасная римлянка Флора», «Архипиада» и ее «двоюродная сестра» («*cousine germaine*») Таис, а также нимфа Эхо, «говорящая над озером и ручьем», чья «красота была выше человеческой».

«Флора» в контексте римской истории может относиться к нескольким персонажам. Предположение Тюана о том, что Флора Вийона может быть Флорой из II сатиры Ювенала⁵, выглядит надуманным; об этой Флоре нам ничего не известно, а сам характер упоминания⁶ ее у Ювенала заставляет полагать, что это имя условно⁷. «Флора» могла бы относиться к гетере, возлюбленной Помпея (Plut. Rompr. 2), весьма прославленной своей красотой, но ко времени смерти Вийона переводы «Параллельных жизнеописаний» Плутарха на латынь были распространены только в Италии⁸. Таким образом, скорее всего, Вийон имеет в виду куртизанку Флору, которая, по сообщениям Лактанция и Минуция Феликса⁹, унаследовав крупное состояние от женившегося на ней богача, в конце жизни завещала его римскому народу, благодаря чему она была обожествлена. Боккаччо рассказывает историю о том, что Флора стала возлюбленной Зефира и была унесена им на небо¹⁰.

Здесь же, в первом куплете «Баллады» Вийон прославляет и другую женщину того же образа жизни, что и Флора, — Таис (Фаида). *Thaïs meretrix*, наряду с Флорой, крайне часто встречается в средневековых догматических текстах. Однако здесь речь может идти о двух разных Таис. Это может быть Св. Таис, египетская блудница редчайшей красоты, которая раскаялась в своих грехах под влиянием монаха Пафнутия и добровольно заключила себя в келью с маленьким свинцовым окошком, питаясь лишь хлебом и водой; через три года

---

⁵ Thuasne. P. 625.

⁶ *Juv. Sat. II, 29*: «*Tedia (Braund; Media Page; “Мевия” в переводе Д.С. Недовича) non lambit Cluviam nec Flora Catullam*». Катулла у Ювенала выступает как образец обладания излишним количеством любовников (*Juv. Sat. X, 322*; cf. *Juv. Sat. X, 219-220*), у Марциала - бесстыдства (VIII, 53: «*Formosissima quae fuere vel sunt...*»); здесь необходимо отметить тонкую конъектуру Фридлендера – *minus* вместо *magis* в последней строке, – которая делает Катуллу, наоборот, слишком большой скромницей, но это вряд ли возможно, учитывая коннотации ее имени; см. комм.: С. Schöffel. *Martial, Buch 8. Stuttgart, 2002. S. 464-469*). Пакула Клувия – куртизанка из Капуи, помогавшая римлянам во время Второй Пунической войны (*Liv. XXVI, 33-34*). Четвертый персонаж этой строчки неизвестен.

⁷ Неубедительной выглядит точка зрения С.М. Браунд (*Juvenal. Satires. Book I. Ed. S.M. Braund. Cambridge, 1996. P. 133*), что речь идет о реальных женщинах, прославившихся своим распутством, и живших в разное время (тогда «Катулла» – Клодия; но у Ювенала нет никакого резона здесь употреблять именно такой, прозрачный, но нигде не зафиксированный с этим значением псевдоним, особенно при наличии гораздо более известного; смысл упомянутой эпиграммы Марциала при такой интерпретации вовсе неясен). Гораздо вероятнее, что это имена реальных куртизанок или распутниц (вероятнее в случае Катуллы), взятые в честь исторических героинь или с литературными аллюзиями.

⁸ K. Ziegler. *Plutarchos // Pauly-Wissowa Realencyclopädie. Hbb. 41. Stuttgart, 1951. Sp. 953.*

⁹ *Lact. De. divin. inst. XX; Min. Felix. Oct. XXV.*

¹⁰ *Bocc. De mulieribus claris LXII.*

этого строжайшего поста Господь явил видение, доказывавшее, что грехи Таис были отпущены, через две недели после этого она скончалась¹¹. С другой стороны, в комедиях Гросвиты и у Иоанна Солсберийского¹² упоминается Таис, героиня «Евнуха» Теренция. Сам Теренций заимствует эту героиню у Менандра¹³. В Римской империи имя «Таис» уже стало нарицательным для куртизанки¹⁴. Вместе с тем, интересно возможное соответствие между этой героиней Менандра и наиболее известным историческим персонажем, носившим это имя – афинской гетерой Таис, спровоцировавшей, по сообщению Кв. Курция Руфа и Плутарха, Александра Великого на поджог Персеполя, а впоследствии ставшей супругой царя Египта Птолемея Сотера¹⁵. На вопрос, который из этих образов имеет в виду Вийон, вряд ли можно ответить определенно; возможно, в его «Таис» есть черты обоих персонажей.

Главной загадкой для исследователей XIX в. в балладе Вийона оставалась таинственная личность «Архипиады» (*Archipiade*). Э. Ланглуа сделал убедительное предположение, что под этим искаженным именем Вийон вывел образ, первоначально связанный с прославленным не только своими политическими и военными талантами, но и красотой афинянином Алкивиадом¹⁶. В «Утешении философией» (III, 8) Бозций пишет: «Если бы, как говорит Аристотель¹⁷, люди бы обладали глазами Линкея¹⁸, то они своим взглядом

---

¹¹ Например, *Vita Sanctae Thais meretricis // Patrologiae cursus completus. Series latina*. P. Ed. J.-P. Migne (далее – PL). T. 73. Col. 661-662.

¹² PL. T. 199. Col. 716-719.

¹³ Эрудированное обсуждение сохранившихся фрагментов комедии «Таис» см. в: A. Traill. *Menander's «Thais» and the Roman Poets // Phoenix*. Vol. 55. No. 3/4. 2001. P. 284-303.

¹⁴ *Ovid. Ars. am.* III, 604; *Ovid. Rem.* 383-386. С другой стороны, упоминания же этого имени у Марциала более спорны: куртизанка может иметь плохие зубы (*Mart.* V, 43) или быть крайне худой (*Mart.* XI, 101), но вряд ли может откровенно дурно пахнуть (*Mart.* VI, 93) или быть одноглазой (*Mart.* III, 8; III, 11).

¹⁵ *Curt.* V, 7, 2. Трайль резко выступает против того, что историческая Таис могла быть прототипом Таис Менандра (Traill. *Op. cit.* P. 289 sq.), однако, на наш взгляд, прямое сравнение Таис Менандра с Фриной (в контексте разрушенных Александром Фив!) у Проперция (II, 6) как раз свидетельствует в пользу этой идентификации.

¹⁶ E. Langlois. *Archipiada // Mélanges de philologie romane dédiés à Carl Wahlund*. Macon, 1896. P. 173-179.

¹⁷ Вероятно, речь идет об известном только во фрагментах трактате Аристотеля «Протрептик».

¹⁸ «*Oculus lynceus*» можно читать как «глаза Линкея» (мессенского героя, бывшего «взором острее всех земножителей»: *Pind. Nem.* X, 62-64) либо как «глаза рыси». В действительности значение этих двух прочтений отличается незначительно: имя «*Λυκεύς*» и означает «с глазами рыси». Плиний Старший, несомненно, передает более древнюю традицию, когда сообщает, что рысь имеет самое ясное зрение среди всех четвероногих (NH. XXVIII, 32). Чтению «рысь» следуют и в Средние века: так, Одон Ключинский (X в.) в своем хорошо известном пассаже о том, что телесная красота заключается в коже, поскольку лишь кожа скрывает безобразие внутренностей, приводит пример «беотийских рысей», «*lynxes in Boeotia*» (так, например, у Хейзинги в: J. Huizinga. *Herfstij der Middeleeuwen // J. Huizinga. Verzamelde werken*. D. 3. Haarlem, 1949. P. 166; в тексте Миня, на который ссылается Хейзинга, стоит «*Boetia*»: PL. T. 133. Col. 556B; учитывая, что ни рыси, ни Линкей не имеют никакого отношения к Беотии,

проникали бы через покровы. И если бы можно было увидеть, что находится внутри человека, разве не показалось бы безобразным тело Алкивиада, славившегося своей красотой?». Средневековыми комментаторами незнакомое имя Алкивиада (*Alcibiades*) было, ввиду особого акцента на его красоте, понято как женское¹⁹. Так же, как женское (что очевидно из контекста) понимает это имя в «Романе о Розе» Жан де Мён, чье творчество оказало огромное влияние на Вийона²⁰.

Примечательно, что к концу жизни Жан де Мён, по-видимому, осознавая, что Алкивиад все же был мужчиной, в своем переводе «Утешения философией» вместо «Алкивиада» ставит «Олимпиаду» (*Olimpiadès*), мать Александра Великого, известную средневековому читателю по многочисленным «Романам об Александре»²¹. Здесь Олимпиада предстает как женщина редкой красоты, но весьма жестокого нрава²²; в силу этого созвучия идей и созвучия имен отнести характеристику Боэция к Олимпиаде в рамках мышления позднего Средневековья было бы вполне уместно. В практически современных Вийону изданиях «Романа о Розе» – конца XV и начала XVI в. – в процитированном отрывке «Олимпиада» вытесняет «Алкивиаду»²³.

Можно ли предположить, что и Вийон, писавший имя «Архипиада», думал не об абстрактном идеале красоты, девушке «Алкивиаде», а о сложном характере македонской царицы? Такая интерпретация не только уравнивала бы строфы (в этом случае в каждой строфе будет появляться по королеве, как по крайней мере один король упоминается в каждой строфе симметричной «Баллады о сеньорах былых времен»), но и позволила бы объяснить необъяснимую иначе

резонно предположить, что в оригинальном тексте Одона стояло «lynxes in Boetio», отсылающее к фрагменту Боэция, приведенному выше), которые обладают зрением, способным проникать все покровы. «Рысь» видят у Боэция Жан де Мён («Car, si comme dit Aristotez, se lis hommes eussent yeulz de lins...»: V.L. Dedek-Héry. *Boethius' De Consolatione* by Jean de Meun // *Medieval Studies*. Vol. 14. 1952. P. 165- 275; ср. «Car lins a la regardeüre // Si fort si perçant et dure // Qu'il voit quanque l'en li moustre // Et dehors et dedens tout outre»: *Roman de la Rose*, 8953-8956) и Джеффри Чосер («For so as Aristotil telleth, that yif that men hadden eyen of a beest that hizt lynx...»: *Chaucer's Translation of Boethius' de Consolatione Philosophiae*. Ed. R. Harris. L., 1868. P. 81).

¹⁹ Хронологически первое свидетельство относится к концу IX-началу X в., когда Ноткер Заика комментирует текст Боэция так: «Мы не знаем, кто была прекрасная Алкивиада, но многие считают, что она была матерью Геркулеса, поскольку тот зовется Алкидом» («Vuir ne vuirén vuer diu scòna Alcibias vuàs, toh cnûoge raticòne dâz si Herculis mûoter vuare, vuanda er Alcides hîez»). См.: *Althochdeutsche dem Amfange des elften Jahrhunderts angehörige Übersetzung und Erläuterung der von Boetius de consolatione Philosophiae*. Hrsg. v. E.-G. Graff. Berlin, 1837. S. 127.

²⁰ «Car le cors Alciadiès, // Qui de beautez avait adès, // E de couleur et de faiture, // Tant l'avait bien fourmé Nature, // Qui dedenz voier le pourrait, // Pour trop lait tenir le vourrait» (8943-8947).

²¹ Описание различных чтений в рукописях перевода текста Боэция Жаном де Мёном см.: *Thuasne*. P. 634.

²² О том, что Олимпиада довела до самоубийства Клеопатру, вторую жену Филиппа, и приказала убить брата Александра Арридея, знает Боккаччо: *De mulieribus claris* LIX.

²³ *Thuasne*. P. 638.

характеристику Таис как «кузины» Архипиады: афинская гетера Таис была, по одной из версий, невесткой Олимпиады²⁴. Только эта гипотеза (при всех ее недостатках) позволяет нам объяснить загадочную характеристику Таис и Архипиады как родственниц²⁵.

Наконец, нельзя не отметить странность в кратком изображении Вийоном мифа о Нарциссе и Эхо. В известном прежде всего по «Метаморфозам» Овидия варианте мифа характеристика «красоты выше человеческой» применима скорее к Нарциссу, а не к влюбленной в него нимфе²⁶. Возможно, это иллюстрирует метод Вийона: для поэта важнее изобразить не конкретный образ, а напомнить нам о трагической истории любви, которую для него в равной степени символизируют оба действующих лица (так, во второй строфе мы узнаем о страданиях Абеяра, но не Элоизы). Возвращаясь к образу Таис, отметим, что идентификация героини Вийона с египетской святой позволяет провести некую параллель между ней и Эхо — одна погибает, иссушенная постом, вторая — любовью.

От «дам» античности Вийон переходит к любовным историям Высокого Средневековья, обе из которых связаны с философами.

Сюжет о любви Абеяра и Элоизы и трагической развязке этой истории достаточно хорошо известен. Ок. 1115 г. в Париже Петр Абеяр (1080-1143)²⁷, крупнейший философ своего времени, соблазнил вверенную ему в качестве ученицы девушку Элоизу (1085?-1164)²⁸. Их связь была раскрыта дядей Элоизы Фульбертом, и после рождения Астрялябия, сына Абеяра и Элоизы, Фульберт настаивал на браке между влюбленными. Элоиза, хотя этот брак и был в ее непосредственных интересах, выступала против брака, говоря о том, что он нанесет удар по позиции Абеяра как магистра. Компромиссным вариантом стал тайный брак, однако когда Фульберт стал распространять слухи о том, что этот брак состоялся, и Абеяр, и Элоиза отказались подтвердить это. В результате разъяренный Фульберт нанял людей, который, подкупив слугу Абеяра, ворвались ночью в его дом и, по выражению самого Абеяра, «лишили меня тех

---

²⁴ Между Таис и Алкивиадом не могло быть никакой родственной связи, кроме того, что оба были афинянами. В то же время историческая Таис, как известно, стала супругой Птолемея Лага, который, по одной из версий, был незаконнорожденным сыном Филиппа II, отца Александра Великого: *Paus.* I, 6, 2.

²⁵ Объяснение Тюана, строящееся на простом появлении этих двух имен с некоторым промежутком в тексте перевода «Утешения философией» Рено де Луана (Thuasne. P. 639-640) совершенно неудовлетворительно.

²⁶ Текстуально ср.: «Qui beaulté ot trop plus qu'umaine» Вийона с *Ovide moralisé* III, 1328-1329: «Narcissus, si fu biaux assez // Sor toute humaine creature».

²⁷ О датировке жизни Абеяра см.: В.В. Андерсен. «Ambianis, urbs predives» Примаса Орлеанского и Петр Абеяр // Альманах кафедры истории, культурологии и древних языков Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского Федерального округа РФ. Вып. 2. 2009. С. 66. Прим. 4.

²⁸ О датировке жизни Элоизы см.: В.В. Андерсен. Возраст Элоизы // Курбатовские чтения СПбГУ. Ноябрь 2010 (тезисы доклада ожидают публикации).

частей тела, которыми, как они заявляли, я согрешил»²⁹. Абельяр и Элоиза приняли монашество; эти события в основном известны из автобиографии Абельяра («История моих бедствий») и переписки возлюбленных, относящейся уже к 1130-м гг.

Особую — и заслуженно знаменитую — часть в «Истории моих бедствий» Абельяра занимают аргументы Элоизы против брака. Эти аргументы основаны прежде всего на несовместимости семейной жизни и забот, которые она приносит, с высоким занятием магистра, и характерно для них прежде всего то, что Элоиза совсем не думает о себе, заботясь только о благополучии своего возлюбленного. Этот же лейтмотив самоотречения проходит и через известные письма Элоизы к Абельяру³⁰. Жан де Мён, которому принадлежит и первый перевод на французский язык «Истории моих бедствий», и переписки Абельяра и Элоизы («Histoire de la vie d'Abailart et d'Heloyse sa fame», ок. 1290), в «Романе о Розе» рассказывает историю Абельяра и Элоизы как часть длинной речи Друга (Ami), убеждающего Влюбленного (Amant) в опасности брака и коварстве женщин; Абельяр, вступив с Элоизой в брак, падает жертвой этой опасности, хотя поведение Элоизы и представляет в изложении поэта резкий контраст с тем, чего приходится ждать от обычной женщины.

Выше уже отмечалось, что произведения Жана де Мёна являются одним из наиболее важных источников для Вийона. Именно из перевода переписки Абельяра и Элоизы, сделанного Жаном де Мёном, взят, без сомнения, эпитет «*saige*» («мудрая» Элоиза), который не появляется в латинском оригинале, но встречается в инципитах к главам французского перевода³¹. Вместе с тем, тон Вийона в отношении Элоизы резко отличается от тона Жана де Мёна. Если автор второй части «Романа о Розе» прославляет мудрость аргументов Элоизы и в целом оправдывает ее, то Вийон представляет ее как виновницу того, что происходит с Абельяром. Элоиза Вийона особенно ярко предстает здесь в образе *femme fatale* благодаря тому, что следующая в этой строфе героиня — жестокая королева, приказывающая казнить философа. Определение Элоизы как «мудрой» в этом контексте выглядит довольно иронично: именно этой ситуации, несмотря на свою мудрость, Элоизы не смогла предусмотреть. Впрочем, следует обратить внимание на то, что определение «мудрая» появляется у Элоизы, идущей в списке «дам» вслед за Эхо, которая имеет в Ovide moralisé (III, 1343) эпитет «рассудительная» («*raisonnable*»)³².

История о Жане Буридане (ум. ок. 1358) и королеве Франции впервые письменно зафиксирована в сообщении студента Лейпцигского университета

²⁹ Abélard. Historia Calamitatum. Ed. J. Monfrin. P., 1959. 585-586.

³⁰ Наиболее современное издание: La vie et les epistres Pierres Abaelart et Heloys sa fame. Ed. E. Hicks. P., 1991.

³¹ Также: *bonne Heloys, belle Heloys; ibid.*

³² «*Raisnable*» в «Морализованном Овидии» - искаженный «перевод» лат. «*resonabilis Echo*» (Ovid. Met. III, 358); ср. точный пер. С.В. Шервинского: «отраженно звучащая Эхо».

Иоганна Йенча (1470)³³. В его изложении эта легенда выглядит так: некая королева Франции по имени Наварра («Noverra») приглашала к себе молодых студентов Сорбонны, которые затем таинственно исчезали (по слухам, королева приказывала их топить). Наконец некий пикардиец Буридан решил положить этому конец. Он явился к королеве и очаровал ее. На два дня, пока король отсутствовал, королева пригласила его во дворец, где в течение этого времени они непрерывно предавались удовольствиям. После этого королева объявила, что пробил последний час Буридана, как и девяносто девяти юношей, которыми она обладала до него. Но Буридан был готов к такому исходу: у подножия башни его ждала лодка, устеленная сеном: любовник, бросившийся с башни, упал на сено, а его сообщники в это время сбросили в воду большой камень. Выживший таким образом Буридан предал королеву позору, распустив по городу птиц, к ножкам которых были привязаны записки с надписью, призывающей к смерти королевы³⁴.

У этой легенды находится множество средневековых и античных параллелей. Самая близкая существует у мейстерзингера Мартина Шлейха (конец XV в.), где убитых юношей только девять, королева не названа, а ученый юноша, который с помощью своей учености прозревает планы правительницы и избегает казни, а потом наказывает королеву, привязав к ножкам птиц подробный рассказ о ее преступлениях, оказывается Альбертом Великим³⁵. Без сомнения, этот сюжет восходит к восточным сказкам; в античности, например, в роли такой королевы выступает Семирамида³⁶.

Ассоциация с королевой Франции и Наварры (после брака Жанны Наваррской с Филиппом Красивым в 1284 г. короли и королевы Капетингов имели двойную титулатуру) и подобной любовной историей могла возникнуть после известного скандала 1314 г., когда выяснилось, что жены трех наследников французского престола, Маргарита, Жанна и Бланка, предавались в Нельской башне прелюбодеяниям с рыцарями Готье и Филиппом д'Онэ³⁷. Последовавшие затем казни создали Нельской башне дурную репутацию, а фигуры трех принцесс, все из которых со временем, пусть и ненадолго, стали королевами Франции (и Наварры), смешались в народном сознании в одну прекрасную и смертоносную «королеву Наварру». В этом скандале, конечно, никак не мог участвовать Буридан, который был еще мальчиком³⁸; однако средневековые легенды весьма

---

³³ Опубликовано в: *Zeitschrift für deutsches Alterthum*. Bd. 2. 1842. S. 362-370.

³⁴ «*Reginam occidere nolite timere bonum est*»: прославленная (в несколько другом варианте) К. Марлоу («Эдуард II») фраза, смысл которой («Не бойтесь убить королеву, это доброе дело» или «Не убивайте королеву, бояться полезно») зависит от того, в каком месте ставить запятую.

³⁵ А.Н. Краппе. *The Legend of Buridan and the Tour de Nesle* // *Modern Language Review*. Vol. 23. No. 2. 1928. P. 220.

³⁶ *Diod. Sic.* II, 3. *Ael. VH.* VII, 1.

³⁷ Эти события, о которых довольно кратко упоминается в источниках, весьма драматично описаны М. Дрюоном в его популярной в России серии романов «Проклятые короли» («*Les Rois maudits*»).

³⁸ Ч. Янг в своем кратком комментарии к стихотворению называет Буридана любовником Маргариты, первой жены Людовика Сварливого: Ch. E. Young. *Anthology of French Lyric Poetry*.

часто используют образы ученых людей своего времени в историях, в которых имеют место чудесные явления или чудесное избавление: после Герберта Орильякского, Абеяра и Альберта Великого появление в качестве героя подобной истории Буридана не вызывает удивления.

Описание Вионом «королевы, белой (blanche), как лилия», как правило, относят к Бланке (Blanche) Кастильской (ум. 1252), супруге Людовика VIII. Тюан обращает внимание на дополнительные значения лат. «blanca» у Дюканжа: «вдова» и «красавица»: Бланка Кастильская была, по мнению Тюана, замечательна своей красотой и пробыла вдовой восемь лет после смерти своего мужа³⁹. Соображения Тюана изобретательны, но несколько нестройны, а кроме того — не учитывают самого главного: характеристики этой «белой, как лилия, королевы» как обладательницы «голоса сирены». Представляется, что можно найти более удачную интерпретацию этого пассажа: «seraine» в позднее средневековье могла означать как полудеву-полурыбу, так и полудеву-полуптицу⁴⁰. Оба варианта стойко ассоциируются с легендой о Мелюзине (которая может выступать как русалка, полуптица или дракон). У Жана Аррасского в «Романе о Мелюзине» король Албании Элинас встречает Прессину, будущую мать Мелюзины, у источника, где та «chantoit si melodieusement que oncques seraine ne chanta si melodieusement ne si doucement» («пела так мелодично, что никакая сирена не пела ни так мелодично, ни так нежно»)⁴¹. Отметим, что дело происходит в мифической Албании, стране, название которой образовано от «alba» - «белая»⁴², а характерно белая кожа - отличительная черта русалок⁴³. Учитывая то, что в этой строфе Вион говорит в основном о героинях романов (возможно ли, что в этом качестве он упоминает и Жанну д'Арк?), версия о персонаже из легенды о Мелюзине выглядит здесь, на наш взгляд, интереснее, чем нейтральная «Бланка».

Практически наверняка из романа же (роман Адене ле Руа) взята и «Большеногая Берта»⁴⁴, мать Карла Великого. Предположение Тюана о том, что

Р. 3. Это невероятно с исторической точки зрения, и в традиции имя Маргариты не упоминается.

³⁹ Thuasne. P. 652.

⁴⁰ N. Dupire. Mots rares des *Faictz et dictz* de Jean Molinet // Romania. T. 65. 1939. P. 37.

⁴¹ Jehan d'Arras. *Mélusine*. Ed. Ch. Brunet. P., 1854. P. 16.

⁴² Отметим, что имя исторической Бланки сен-викторская «Хроника королей франков» (XIII в.) приводит как *Candida*; здесь же говорится о ее красоте («commendabilis pulchritudinis puellam, nomine Candidam»: M. Bouquet. *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. T. 17. Poitiers, 1878. P. 426). Тюан полагает, что эта заметка хрониста - игра слов (Thuasne. P. 653), но для такого вывода нет оснований: перевод имени по его значению - распространенная практика в античности и Средние века (ср. L. Friedländer. *Roman Life and Manners*. Vol. 4. London, 1913. P. 57; В.В. Андерсен. *Имя Абеяра // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского*. СПб., 2010. Ч. 1. С. 53).

⁴³ И утопленниц. Нельзя не обратить внимание на переключку этого образа Виона с рефреном в «Офелии» Рембо: «La blanche Ophélie flotte comme un grand lys».

⁴⁴ Adenès li Rois. *Li Roumans de Berte aus grans piés*. Bruxelles, 1874.

«Беатриса» и «Алиса», появляющиеся в этой же строчке, взяты из романа Гервея Мецского⁴⁵, не выглядит достаточно убедительным. Комментатору Вийона удастся выстроить интересную генеалогическую линию, согласно которой Берта - племянница Беатрисы, матерью которой является Алиса. На наш же взгляд, вероятнее вариант, что «Алиса» отсылает к имени служанки Берты, чье удивительное сходство со своей госпожой (и недобрый нрав) составляют одну из главных линий романа Адене ле Руа⁴⁶. «Беатриса», в таком случае, может быть одной из многих средневековых героинь с этим именем⁴⁷.

«Арембургиды», в свою очередь, относится к Арембургиде (ум. 1126), ставшей в 1110 после смерти отца графиней Мэна и вышедшей замуж за Фулькона V, графа Анжу. О ее жизни, за исключением нескольких дарственных грамот, мы практически ничего не знаем. По сообщению «Деяний епископов Мэна», Арембургиды умерла (скорее всего, еще молодой женщиной), «измученная долгой болезнью»⁴⁸, в то время как ее муж был отлучен от церкви. Брак Арембургиды с Фульконом означал переход Мэна под власть Анжу, и потому личность «владевшей Мэном Арембургиды», беззащитной перед агрессивными графами Анжу, видится трагической. О внешних качествах графини нам не известно ничего достоверного⁴⁹.

Личность и судьба Жанны д'Арк (ок. 1412-1431), которой заканчивается список героинь Вийона, пожалуй, не нуждаются в комментариях.

Таковы источники, которыми, вероятно, пользовался Вийон, составляя свой список «дам былых времен». Как можно видеть, уже сам тот факт, что для многих из «дам» мы имеем больше одного варианта идентификации, показывает, насколько мало в действительности нам известно о методе, которым Вийон руководствовался, выбирая своих героинь из литературы, истории или знакомых ему легенд. Вместе с тем, рассмотрение этих источников делает очевидным то, что традиционная точка зрения, согласно которой в «Балладе» перечисляются красавицы прошлого, верна лишь отчасти. Так, как бы Тюан ни хотел сделать красавицей Элоизу, его романтическое желание интерпретировать характеристику Абеяра своей возлюбленной – «не безобразная лицом» - как литоту⁵⁰ не встретит поддержки у любого, знакомого со стилем Абеяра⁵¹. Лишь

---

⁴⁵ Thuasne. P. 655-657. Более подробно: P. Ménard. «Berte au grant pié, Biétris, Alis» ou la résurgence de la culture épique dans la «Ballade des dames du temps jadis» // Romania. T. 102. 1981. P. 114-129.

⁴⁶ Идентификация «Алисы» с женой Людовика VII и матерью Филиппа Августа (напр.: Young. *Op. cit.* P. 3) не имеет под собой никаких оснований.

⁴⁷ E. Langlois. Table des noms propres de toute nature compris dans les chansons de geste imprimées. P., 1904. Ее идентификация с Беатриче (напр.: Young. *Op. cit.* P. 3) невозможна: в «исторических» частях «Баллады» Вийон ограничивается только Францией; о том, насколько хорошо Вийон мог знать творчество Данте, нам известно крайне мало.

⁴⁸ «Prolixo macerata languore»: Actus pontificum Cenomannis // Vetera Analecta. Ed. J. Mabillon. P., 1723. P. 320.

⁴⁹ Thuasne. P. 658.

⁵⁰ *Ibid.* P. 645.

однажды называет «красивой» Элоизу Жан де Мен: и Вийон совершил бы странный выбор, если бы, составляя список былых красавиц, добавил в него Элоизу и Жанну д'Арк, но опустил бы Елену, которая появляется у него как эталон красоты⁵² и блестяще («Helaine») могла бы вписаться в очень сложную ритмическую структуру баллады⁵³. Мы не знаем ничего и о красоте Арембургиды.

Даже тогда, когда баллада эксплицитно говорит о красоте «дам былых времен», поэма не просто констатирует их красоту; сам список подчеркивает их страдания, а зачастую — трагическую смерть. Умершие от истощения Таис и Эхо, убитая «Архипиада» (кого бы ни имел в виду Вийон под этим именем), страдающая в монастыре Элоиза, заключенная в тюрьму королева, прошедшая многочисленные испытания Берта, беззащитная, умершая после тяжелой болезни Арембургиды, сожженная на костре Жанна — все эти образы напоминают нам не столько о красоте, сколько о страданиях, которые красота только оттеняет.

Еще Йохан Хейзинга обращает внимание на ключевую роль смерти в эстетике XV в. Без сомнения, эту роль очень глубоко чувствует Вийон: смерть уравнивает всех, приводит всех к одному концу, вне зависимости от того, кем смертный был при жизни (Grand Testament XXXIX):

<p>Je cognois que poures et riches, Sages et folz, prestres et laiz, Nobles et villains, larges et chiches, Petiz et grans, et beaulx et laiz, Dames à rebrassez collez, De quelconque condicion, Portans atours à bourrelez, Mort saisit sans exception.</p>	<p>Я знаю: нищих и богатых, Сановников и мужиков, Скупцов и мотов тороватых, Прелатов и еретиков, Философов и дураков, Дам знатных, чей красив наряд, И жалких шлюх из кабаков — Смерть скашивает всех подряд⁵⁴.</p>
---	---

(пер. Ю. Корнеева)

⁵¹ Ср., напр., описание Абеяра своей «победы» над Гийомом де Шампо в «Истории моих бедствий», которое в действительности закончилось поспешным отъездом в Бретань (НС 179-182 *Monfrin*). Особенно авторские преувеличения, характерные для Абеяра, заметны в сравнении с автобиографией Руперта Дейцского; см. W. Berschin. *Os teum aperui*. Die Autobiographie Ruperts von Deutz. Köln, 1985.

⁵² Ср. Grand Testament XL.

⁵³ Л. Шпитцер (L. Spitzer. *Étude ahistorique d'un texte: Ballade des dames du temps jadis // Modern Language Quarterly*. 1940. Vol. 1. P. 8-22) обращает внимание на то, что в 40-м стихотворении уже присутствуют обе главных римфы «Баллады о дамах былых времен»: «Et meure Paris et Helaine».

⁵⁴ Ср. предпоследнюю строчку в «Ballade des proverbes»: «Je cognois Mort qui tout consomme». Положение этой строки в «Балладе пословиц» подчеркивает то важнейшее место, которое

Глубокий и предметный страх перед смертью значит для Вийона гораздо больше, чем условное романтическое сочувствие о «делах давно минувших дней». Ни красота, ни мудрость, ни любовь, ни знатное происхождение не спасают героинь «Баллады» от смерти и от страданий, которые она с собой несет⁵⁵. Как снег, каждое поколение «дам» покрывает землю и должно в свой черед в землю уйти. Вслед за прошлогодним снегом растает снег и этого года – мы сами. Это настроение неотвратимости и фатальности смерти, проходящее лейтмотивом через творчество Вийона, пожалуй, лучше, чем традиционное понимание тона поэта как «акцент нежной печали» объясняет сделанный им выбор героинь для своей баллады.

занимает смерть в иерархии ценностей Вийона. Ср. E.P. Kostoroski. Two Ballads of Villon Reconsidered // French Review. Vol. 5. 1973. P. 26.

⁵⁵ Та же мысль превосходно выражена в «De contemptu mundi» Генриха Гентингтонского. Например, о принце Вильгельме, погибшем при крушении «Белого корабля» 1120 г.: «Итак, случилось с ним, что вместо того, чтобы быть увенчанным золотой короной, рассекли голову его морские скалы, вместо расшитых золотом одежд плавает он в море нагим, вместо высоты власти над морями погребен он в желудках рыб» (PL. 195. Col. 983)... «Итак, не восхищайся этими столь несчастливymi королями, а лишь Богом, единственным, кто счастлив, дающим царство счастья тем, кто с Ним» (*Ibid.* Col. 987).